

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НИКОГО НЕ БОЯЛСЯ

По своему творческому почерку Александр Казимирович Толуш был ближе к великим шахматистам прошлого, нежели к современным корифеям. Конечно, Ботвинник пятидесятых годов выиграл бы у Морфи, Спасский шестидесятых – у Андерсена, если бы такие встречи могли состояться. Изощренная современная техника, глубокое знание дебютов, научные методы подготовки, не говоря уже о компьютере, не оставили бы их далеким предшественникам никаких шансов.

И все-таки у романтиков XVIII и XIX веков было одно преимущество, которое, увы, с годами не только не уменьшается, а, наоборот, все больше возрастает. Они играли, а не работали за шахматной доской. Играли, как правило, просто ради удовольствия, которое и получали в полной мере. Современные же гроссмейстеры (да и не только они) вынуждены все время подтверждать свое звание, непрерывно что-то кому-то доказывать, каждый раз куда-то выходить. И вот результат: слишком часто сдерживаются творческие порывы, выбираются не самые интересные, а самые надежные планы.

Было бы наивно утверждать, что гроссмейстера Толуша не интересовало его положение в турнире или, что ему был безразличен его очковый баланс. Может, перед какой-нибудь, самой ответственной, особо важной партией он даже говорил себе – мне нужна ничья, и поэтому я буду осторожен, исключу всякий риск и добьюсь поставленной цели. Но начиналась игра и... он все забывал! Вновь и вновь смело шел в атаку, жертвовал фигуры и пешки, оголял своего короля, чаще побеждал, иногда проигрывал, но всегда оставался самим собой.

В первенстве СССР 1957 года Толуш имел реальные шансы на первое место, в крайнем случае, на его дележ. Для этого ему нуж-

но было не проиграть в последнем туре Талю. Звезда Таля только что взошла, и в этом чемпионате он играл блестяще. Перед его молниеносными комбинациями и сокрушительными атаками порою даже всемирно известные гроссмейстеры пасовали как новички. Успех могла принести только холодная позиционная игра. У Толуша был слишком высокий класс, чтобы не понимать этого. Но что он мог поделаться с собой, если ему чужд был деловой подход к шахматам, если жила в нем неукротимая душа средневекового рыцаря, предпочитавшего смерть малейшему подозрению в трусости.

Было и еще одно обстоятельство, которое для большинства шахматистов не имеет никакого значения. Для большинства, но не для Толуша. В предыдущем первенстве он проиграл Талю в острокомбинационной схватке, проиграл вчистую, вразнос, не выдержав стремительной, подлинно талевской атаки. Как же мог он не попытаться взять реванш, уклониться от рукопашного боя, расписаться в своей несостоятельности?

Толуш пожелал биться оружием Таля. Сам навязал ему острейшую игру. И после «кровопролитнейшего» сражения, в котором обе стороны оказались достойными друг друга, вновь потерпел поражение.

Однако проигрыши даже ответственных партий «не выбивали гроссмейстера из седла», не заставляли его быть осторожным. Может быть, потому, что очки и места никогда не имели над ним гипнотической силы. Чувство страха было ему неведомо, а смелость граничила с дерзостью.

В первенстве Ленинграда в ответственной партии с Д. Ровнером (сколько их было в его жизни!) он пожертвовал сначала качество, а затем еще и фигуру. Жертвы эти были так неожиданны, а их последствия так неясны, что заволновались не только зрители, даже участники. Лишь сам Толуш с олимпийским спокойствием курил папиросу и с любопытством поглядывал в расшумевшийся зал, хотя и ему, вероятно, далеко не все было понятно.

Толуша никогда не интересовало, что такое шахматы: спорт, наука или искусство? Он не принимал участия в дискуссиях на эту тему. Просто не было у него ничего более дорогого, чем шахматы. И он отдал им всю жизнь.

Но именно потому, что шахматы были ему так дороги, он был беспощаден к тем, кто изменял шахматам, кто относился к ним без должного уважения. В особенности, если это исходило от молодых.

– Тебе надо играть в женском турнире! – жестко и не совсем справедливо сказал он как-то молодому ленинградскому мастеру, легкомысленно, без обдумывания сделавшему проигрывающий ход.

В первенстве Ленинграда 1954 года после вскрытия конверта с отложенной партией между Копыловым и Фурманом выяснилось, что последний записал невозможный ход, после чего, по всем судейским правилам, ему автоматически должны были засчитать проигрыш. Однако судьи не заметили нарушения, а Копылов простил его Фурману, и партия развивалась дальше без особых приключений.

– Какой благородный поступок! – восторгались потом участники.

– Оказывается, можно бороться за звание чемпиона и оставаться при этом рыцарем, – вторили им судьи.

И только Толуш обрушился на Копылова.

– Это не благородство, – сказал он. – Это мягкотелость, которая оборачивается ударом в спину другим конкурентам. Ведь им-то, наверное, не простят ошибку, цейтнотный зевок или просрочку времени. Вы не вдвоем играете в турнире. Это первенство города, а не коммунальной квартиры!

Однажды Толуш давал сеанс одновременной игры во Дворце пионеров и в одной из партий зевнул фигуру. Его юный противник немедленно предложил ничью.

– Почему? – с любопытством спросил Толуш.

– Я боюсь, – простодушно ответил юноша, который совсем не был уверен, зевок это или далеко рассчитанная жертва.

– Если ты боишься, – громко и резко, на весь зал сказал Толуш, – то тебе нечего здесь делать!

Самому ему никто не посмел бы бросить подобного упрека, ведь меру его смелости, силу его ударов испытали на себе почти все гроссмейстеры. От него доставалось Смыслову, Котову... Даже сам Михаил Ботвинник, который в свои лучшие годы поч-

ти не знал поражений, в XIII первенстве СССР не просто проиграл Толушу, а получил от него мат!

Спокойствие и удивительное хладнокровие Толуша изменяли ему, пожалуй, только тогда, когда он начинал говорить о перспективах нашего шахматного движения, о подрастающем поколении шахматистов.

Сильный, мужественный человек, переживший в 1942 году Невскую Дубровку, никогда не жаловавшийся на недуги и болезни, он, словно предчувствуя скорую смерть, часто повторял в последние годы:

– Кто же заменит нас? Где они – будущие Спасские, Корчные, Тали?

К молодым Толуш всегда относился внимательно и даже с нежностью, хотя старался прятать ее за обычной своей сдержанностью и суровостью.

Еще в 1955 году он ради того, чтобы в турнире была мастерская норма, в чем были особенно заинтересованы молодые шахматисты, согласился участвовать в первенстве Ленинграда, хотя незадолго до соревнования сломал ногу. Было больно смотреть, как, хромя, опираясь на костыли, он с трудом доходил до турнирного зала. Но Толуш считал, что в Ленинграде есть несколько способных молодых шахматистов, которым надо помочь стать мастерами, и что такая «мелочь», как больная нога, не должна помешать пожилому гроссмейстеру, выполнить свой долг перед юностью. Нет, Толуш вовсе не собирался играть в турнире роль Деда Мороза, раздающего детям праздничные подарки. Сам он никогда не просил поблажек. И не давал их другим.

В последнем туре Толуш встретился с молодым кандидатом в мастера Александром Геллером, которому для звания мастера необходима была в этой партии только победа. Тактика защищающейся стороны в этом случае предельно проста – построить долговременную оборону и предоставить соискателю найти средства взломать ее. В подобной борьбе шансы сторон явно неравны, а говоря еще точнее, шансы нападающего, особенно с учетом неравенства в классе, просто ничтожны. Но не для того Толуш, жертвуя своим здоровьем, согласился на участие в турнире, чтобы зажечь таким образом красный свет перед своим юным

противником. Гроссмейстер предпочел бескомпромиссную, боевую борьбу в острейшем варианте индийской защиты. Толуш выиграл эту партию, но ему не за что было упрекнуть себя.

За несколько лет до этого случая Толуш был тренером юношеской сборной команды Ленинграда на первенстве СССР в Москве. Во время соревнования он тяжело заболел и все-таки не покинул команду, приложив максимум усилий для ее победы. Ребята даже не узнали тогда о болезни своего тренера...

Даже в вопросах судейства он не забывал о молодежи, считая, что к судейству нужно привлекать не опытных, стажированных специалистов, как это, например, принято в футболе или хоккее, а молодых способных ребят, которые могли бы многое почерпнуть из партий сильнейших мастеров.

Несколько лет продолжалось творческое содружество Толуша со Спасским, очень много давшее будущему чемпиону мира. Быть может, качества, почерпнутые им у Толуша – комбинационное зрение, тактическая зрелость, умение поставить замаскированную ловушку, желание решить борьбу эффектным ударом, способность почувствовать поворот в партии и вовремя перейти от захлебнувшейся атаки к трудной защите – реально помогли Спасскому стать чемпионом мира.

По общему мнению, решающую роль во втором матче Спасского с Петросяном сыграла 19-я партия, в которой Спасский провел редкую по красоте и силе атаку. Да, он играл ее в стиле Толуша, своего учителя.

От преданности шахматам идет чувство ответственности перед ними. Не было, кажется, случая, чтобы Александр Толуш пренебрег своими обязанностями, чтобы не выполнил порученного ему дела. Будучи уже тяжело больным, он из последних сил играл в командном первенстве по переписке. Он очень ревностно относился к своим журналистским обязанностям. Не раз был спецкором «Правды», Всесоюзного радио, «Советского спорта». Всего за несколько дней до смерти Толуша вышла в шахматном отделе «Вечернего Ленинграда» его статья.

«О мертвых или хорошо, или ничего», – говорили древние римляне. Толуш вряд ли нуждается в этом, хотя у него были недостатки, как есть они у любого из нас.

Порой он был резок, даже грубоват, вспыльчив и несдержан. Был слишком откровенен, зачастую нестерпимо прямолинеен, не слишком выбирал слова. А это не всегда нравилось людям. И далеко не всегда это было так уж необходимо.

О некоторых эпизодах из жизни Толуша ходили легенды, хотя в них ничего не было выдуманного. Однажды во время турнира он пошел поужинать в ресторан и, закончив ужин, попросил у официанта счет, предварительно посчитав, что он поел на 4 руб. 50 коп. Официант принес ему счет на 6 руб. «Вот тебе 5 рублей, – сказал Толуш, – и сдачи не надо».

В другом турнире известный московский шахматист Евгений Загорянский, приехав на день раньше начала и придя в турнирное помещение, увидел там Толуша, игравшего с каким-то неизвестным ему молодым человеком. Толуш давал своему противнику фору ладью. Игра, естественно, шла на немалые деньги. Расплачиваясь, молодой человек каждый раз доставал из кармана толстую пачку банкнот. Толуш все время выигрывал, но в какой-то момент, почувствовав усталость, прекратил игру, несмотря на мольбы своего проигравшего противника. «Я могу сыграть с вами» – сказал молодому человеку Загорянский. «Но Вы же видели, мой противник давал мне фору ладью». «Я готов играть с вами на этих же условиях» – сказал Загорянский. В результате он проиграл все свои деньги. Велико было удивление и возмущение Загорянского, когда придя на следующий день на первый тур, он среди участников увидел своего вчерашнего противника, молодого перспективного ленинградского кандидата в мастера. Загорянский понял, что Толуш его элементарно подставил. Бросившись к Толушу за объяснением, он услышал в ответ хладнокровное: «Надо знать ленинградских шахматистов».

В молодости Толуш совершал гораздо менее невинные поступки. И за один из них мог даже попасть в тюрьму. Но тогда его спас всесильный Крыленко. К чести Толуша надо сказать, что с возрастом он уже такого себе не позволял.

Вместе с тем товарищи, которых у него было очень много, и соперники, которых у него было еще больше, любили его, знали его истинную цену и охотно прощали ему недостатки. У него

было много почитателей, восхищавшихся его смелостью, бескомпромиссностью, искрометным талантом.

Жаль, что так и не был организован традиционный мемориал Толуша, в котором приз за красивейшую партию значил бы не меньше, чем приз за первое место. И на такой мемориал нужно было приглашать только очень смелых, ярких, острокомбинационных шахматистов, которые бы не скрупулезно считали очки, складывая их из половинок, а играли так же дерзко и бескомпромиссно, как гроссмейстер Александр Казимирович Толуш.

